

Камилла Лоранс

ЕДИНСТВЕННЫЙ,
КОМУ
ТЫ ВЕРИШЬ

Мастерски написанный роман о природе отношений,
которые в современном мире связывают мужчин и женщин
через экраны мониторов.

«Пари матч»

Камилла Лоранс
Единственный, кому ты веришь
Серия «Мировая сенсация»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33579303*

*Единственный, кому ты веришь. Роман: Центрполиграф; Москва; 2018
ISBN 978-5-227-08033-2*

Аннотация

Стремясь получить информацию о своем непостоянном любовнике Жо, 48-летняя разведенная преподавательница Клер создает на Фейсбуке фальшивый профиль. Представляясь яркой брюнеткой двадцати с небольшим лет, она вступает в переписку с ближайшим другом Жо. Невинный обмен сообщениями с Крисом перерастает в бурный роман. Зрелая женщина, которая хочет любить и быть любимой, постепенно оказывается в опасном зеркальном лабиринте, где уже не различить реальный и виртуальный мир, основанный на лжи, инсценировках и манипуляциях.

Содержание

Пролог	5
I	9
1	10
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Камилла Лоранс

Единственный, кому ты веришь

Роман

Camille Laurens
Celle que vous croyez

* * *

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

© Éditions Gallimard, 2016

© Перевод и издание на русском языке,
«Центрполиграф», 2018

© Художественное оформление «Центрполиграф»,
2018

Пролог

Аудиозапись показаний № 453AJ (из архива Национальной жандармерии в г. Р.)

Мы с ним беседовали минут двадцать он говорил об одной моей статье недавно опубликованной потому что писал на ту же тему меня заморозили его зеленые глаза и черные волосы в эти черные волосы хотелось запустить пальцы а на висках была седина серебристо-черные волосы зарыться бы в них лицом утонуть прикоснуться к ним дышать ими и вдруг его голос изменился стал очень ласковым прямо-таки сладким я услышала в нем нежность да-да нежное внимание он ответил какой-то студентке подошедшей с вопросом это была юная брюнетка с розовым шарфиком она о чем-то спросила его и он повернулся ко мне спиной вот так просто не извинившись не сказав ни слова как будто я перестала существовать пфф! повернулся спиной безо всяких там прошу-прощения-на-минутку-отвлекусь а я осталась стоять как распоследняя дура он даже не извинился моя улыбка застыла в пустоте и я увидела я словно увидела со стороны эту свою дурацкую улыбку растянутые красные губы знаете ведь все мужчины обращают внимание на зубы разглядывают их

как у лошадей на рынке щупают грудь задницу вы наверняка слышали о женщине повешенной за то что она убила мужчину который ее изнасиловал они взяли и повесили ее они нас уничтожают это же ненависть понимаете ненависть погоди-те-ка вот это было в новостях смотрите я вырезала из газеты и приколола к пальто послушайте: *«У входа на рынок висит объявление с расценками». Вот именно так и написано! «Девочка от года до 9 лет – 200 000 динаров (138 евро). Девушка от 10 до 20 лет – 250 000 динаров (104 евро). Женщина от 20 до 30 лет – 100 000 динаров (69 евро). Женщина от 30 до 40 лет – 75 000 динаров (52 евро). Женщина от 40 до 50 лет – 50 000 динаров (35 евро)». Они продают женщин на рынке слушайте дальше: «мужчины веселятся», «покупатели пересмеиваются», «женщины старше 50 лет на продажу не выставляются, поскольку не пригодны к использованию потребителями. Кроме того, их цена не покрывает расходы на питание и транспортировку от места захвата в плен до рынка. Некоторым удастся уцелеть, приняв ислам, остальных, то есть большинство, убивают». Нет я не успокоюсь они торгуют нами они нас убивают с какой стати я должна успокаиваться да послушайте же они нас убивают просто уничтожают все это есть в газетах может быть не в тех которые вы читаете вы ведь все-таки мужчины это ваша работа и товар предназначенный для вас вот говорят с министром Макроном¹ дело нечисто жена у него на двадцать*

---

¹ Эмманюэль Макрон (р. 1977) был министром экономики, финансов и циф-

лет старше все потешаются мол каким же слабаком нужно быть размазней ничтожеством или обвиняют его жену в педофилии люди выражают отвращение какой кошмарный мезальянс и даже женщины зубоскалят они смеются над собственной объявленной смертью над приговором с отсрочкой исполнения живые покойницы сами этого не понимают мужчины убивали нас уже при рождении и не только в Китае или в Индии но и здесь «кто там у нас? девочка?» значит никто между прочим у Московиси² жена на тридцать лет младше о нем писали в газетах под заголовком «Красавица и министр» а Макрона называют «соблазнителем старушек» никто нас не любит никто как же это ужасно идешь по улице видишь эти взгляды и чувствуешь что ты старая они словно требуют пошла вон сдохни от тебя несет смертью могилой плесенью вы видели Мадонну я о певице ее упрекают в том что она пытается «продлить свое существование» именно так это точная цитата из газеты из настоящей серьезной газеты «в пятьдесят пять Мадонна все еще полна надежд продлить свое существование» а что еще мы должны делать попытаться перестать существовать плюнуть на себя осознать что нам больше ничего не светит что нам здесь уже не место для меня здесь больше нет места но я не знаю куда деваться в ящик в гроб в кабак быть молодой и некрасивой так же неутешительно

ровой экономики Франции в 2014–2016 гг. (*Здесь и далее примеч. пер.*).

² Пьер Московиси (р. 1957) был министром экономики, финансов и внешней торговли Франции в 2012–2014 гг.

как быть красивой и немолодой женщины стареют а мужчины
обретают зрелость ночью мужчина прекрасен а женщина
плачевное зрелище пусть вас положат в гроб какая прозрач-
ная ясность прозрачная ясность я прозрачна мой папа сте-
кольщик исчезни ясно тебе усекла выметайся не догоняешь
что ли вали отсюда сдохни

I Сдохни!

*Иди же! Умирай! Меня ты не любил!*³

Пьер Корнель

*Порой несбывшаяся любовь разъедает душу.
Паскаль Киньяр*

---

³ Реплика из трагедии «Полиевкт» в переводе Т. Гнедич.

1

Беседы с доктором Марком Б.

Клер

Я уже десять раз все это рассказывала вашим коллегам, просто почитайте мою историю болезни.

Знаю, что вы здесь новенький, это очевидно. Ваше первое место работы? Вам ведь не больше тридцати.

Нет, вы не выглядите на тридцать.

Я смеюсь потому, что процитировала вам Мариво, а вы и не поняли. Надо думать, литература не входила в вашу программу обучения.

Но вы должны были догадаться о цитате – не знаю, по контексту, по интонации. Это же ваше ремесло – слышать звон и знать, где он. Динь-дон. Чок-чок. Кто тут у нас чокнутый?

У Мариво Араминта – красавица-вдова, и молодой управляющий хочет ее соблазнить – то ли потому, что влюбился, то ли потому, что позарился на ее несметное богатство. Неизвестно, искренен ли он в своих чувствах, когда пытается ею манипулировать. Но вы все-таки не Дорант, вы здесь не для того, чтобы на мне жениться, верно?

Я когда-то выступала на сцене, да, недолго и очень давно.

Мой муж был режиссером. Собственно, он и сейчас режиссер, продолжил карьеру. Мы познакомились, когда оба были студентами и играли в университетском театре. Сейчас кажется, это было вечность назад. И тем не менее, как видите, я даже помню наизусть некоторые реплики. И еще вы не могли не заметить, что я постигла искусство мизансцены. Однако не будем углубляться так сильно в мое прошлое и пускать по нему слезу, тем более что все уже написано вон там, в ваших бумажках. Что еще вам нужно?

Ах, вы хотите понять? Как я вас понимаю! И что же именно вас интересует?

Превосходный ответ. Вы делаете успехи. Кстати, как вас зовут?

Марк. Марк. Вы мне нравитесь, Марк, и я согласна с тем, что вы сказали: в каждом из нас живут всего лишь две интересные личности – та, что жаждет убивать, и та, что стремится умереть. Они представлены не всегда отчетливо и занимают неравнозначное место, но, когда удастся их обнаружить, можно с уверенностью говорить: я знаю этого человека. Порой бывает слишком поздно.

Как мы до этого дошли? Мы? Очень мило с вашей стороны вписать себя в картину катастрофы, хотя сами вы здесь совсем недавно. Никто не упрекнет вас в том, что я оказалась в столь плачевном состоянии. Я сама до него «дошла» за последние... сколько я тут? Два... нет, три, два с половиной го-

да? Или, говоря «мы», вы имели в виду «мы все»? Мы, данное заведение. Мы, специалисты. Мы, общество. Как же это мы допустили, что присутствующая здесь дама до сих пор находится на попечении государства и манкирует своими обязанностями, своим долгом, растрачивая попусту производительную и где-то даже воспроизводительную силу? Почему мы предоставляем кров и еду женщине в расцвете лет и всячески о ней заботимся, притом что она, без сомнений, еще вполне способна трудиться ради всемирного блага? Где это мы облажались? Такова суть вашего вопроса?

Преподавательница. Знание несу. Иногда спотыкаюсь под грузом.

Да, в университете. Специализация – сравнительное литературоведение. Была лектором, но мне обещали должность профессора, уже собирались рукоположить в сей священный сан и открыть врата в высший чиновничий свет, преисполненный чудес. Для сорокасемилетней дамы это большое достижение и пример для всех остальных: вы ведь знаете, как мало женщин на руководящих постах, смехотворно низкий процент. Но вдруг – опа, большой облом! Меня скрутили, обследовали и до сих пор держат здесь под присмотром. Вы будете за мной присматривать, Марк? Не выпустите из кадра? Я здесь бесполезна, не могу отдавать свой долг обществу. Покойница в буквальном смысле: нахожусь на покое, лишена жизненных функций. Да, именно так – я перестала функционировать, сломалась, если хотите, сорвала резьбу, слетела с

катушек, съехала с рельсов, я сдохла, а ваша задача – меня отремонтировать, привести в рабочее состояние, запустить механизм, реанимировать, короче, вернуть к жизни. Вы ведь этим и занимаетесь, да? Возвращаете меня к жизни. Хотите, чтобы покойница задышала. Кстати, уясните себе кое-что на будущее. Сегодня вы меня вызвали в оди... Что? Вам не нравится слово «вызвали»? Ладно, вы назначили мне встречу в одиннадцать, так вот на будущее, – если, конечно, у нас с вами есть будущее – имейте в виду, что по утрам я не в форме, не жизнеспособна, все утро я валяюсь в постели, как пьяная, потому что вечером принимаю валиум, а ксанаксом глушу себя позже, но иногда – только никому не говорите, это секрет – я его выбрасываю, ибо предпочитаю тоску забвению, ведь если человек несчастен, ему лучше об этом знать, вы не согласны?

* * *

Поначалу дело было не в Крисе, не в Кристофе. Вы ведь именно о нем хотите поговорить, я правильно понимаю? О составе преступления на почве страсти или, скорее, ее отсутствия. О моей сердечной скорби. Или вы предпочитаете, чтобы я рассказала о детстве, родителях, семье и прочую ерунду, все, как полагается?

Поначалу моей целью был не Крис. Он меня не интересовал, я его и знать не знала. Напросилась к нему в друзья в

Фейсбуке только для того, чтобы получать новости о Жо. Я тогда встречалась с Жо, с Жоэлем. У Жо было мало контактов в социальных сетях, он френдил только тех, с кем водил знакомство в жизни, за исключением меня – Жо считал, что любовники не могут быть френдами. А у Криса, как мне сказал Жо, были сотни друзей, он в Фейсбуке проводил много времени под ником KissChris и с легкостью набирал лайки, что приводило Жо в восхищение. У вас есть аккаунт в Фейсбуке, Марк? Вы понимаете, о чем я говорю? Не надо вам переводить?

Всякому, кто более или менее знал Жо, его слишком уж скромное, почти застенчивое поведение в соцсетях показалось бы странным, потому что во всем остальном он не признавал никаких ограничений, реально был без тормозов, ну разве что не убивал людей направо и налево. Впрочем, есть много способов убийства. Жо мог в мгновение ока уничтожить человека словом или даже молчанием. Вам, вероятно, известно, что женщины больше всего на свете боятся быть брошенными? Конечно, известно, об этом написано в ваших книжках. Так вот, Жо бросал меня по десять раз на дню. Наверное, его можно назвать психопатом. Он определял больное место (ведь психопаты – это в своем роде лучшие знатоки женской психологии), находил трещинку в сердце и потихоньку вбивал туда клинья, лишая жизненной энергии, разбивая надежду на счастье. Брал тебя за руку – и тут же отталкивал, вот так, без видимой причины, просто потому, что

ты на него рассчитываешь, потому что доверилась. В последнее время я перестала рассказывать ему о своих увлечениях, говорить о том, что мне доставляет удовольствие, иначе он сделал бы все, чтобы меня этого удовольствия лишить. Когда становилось совсем невыносимо, я от него уходила, но никогда не разрывала отношения окончательно. И он вдруг звонил мне – само очарование, или я ему – сама нежность, и все начиналось заново, из месяца в месяц. Не спрашивайте меня почему. Я тогда развелась с мужем и не могла оставаться одна, я жаждала любви, хотя бы заниматься любовью, говорить о ней, верить в нее. Помните песню? «Мы хотим жить, надо ли знать зачем».

Нет, никогда. Жо никогда не причинял мне физической боли. В этом не было необходимости. Психологическая жестокость – вот высший пилотаж, а оплеухи – удел начинающих садистов.

Трудно сказать. Влечение – дело загадочное. Мы все хотим получить от другого человека то, чего у нас нет, или то, что у нас было, но потерялось. Раньше я бы сказала, что все хотят одного и того же – вернуть кусочек старого доброго прошлого, даже если оно протухло и сгнило. Снова пережить любовную тоску. Снова и снова бросаться грудью на огнемет. Но с тех пор, как со мной случилась эта история, я уже ничего толком не знаю. Я думала, что можно изменить саму природу влечения, вырвав его с корнем и пересадив в новую почву – помягче, потучнее. По крайней мере, можно попы-

таться. Ведь если все predeterminedено и ты знаешь, чем это закончится, как-то грустно жить, говорила я себе.

Да. Когда наше очередное расставание слишком затянулось и я уже извелась, не получая вестей от Жо, – он исчез, просто исчез! – мне пришло в голову создать фальшивый профиль в Фейсбуке. До этого я туда редко заглядывала, у меня была страница под моим настоящим именем, Клер Милькан, в профессиональных целях – я обменивалась информацией с иностранными коллегами и переписывалась с бывшими студентами, совсем редко и без особой охоты. А потом вдруг я попала на эту удочку, ушла в Фейсбук с головой. Для людей, которые, подобно мне, не выносят разлуки, – у вас ведь так и написано там, «не выносит разлуки»? – для нас разлука как пищевая аллергия. Разлучите меня с кем-нибудь – и у меня случится отек Квинке, затем я начну задыхаться, подышать – и сохну. Для таких, как я, Интернет – это одновременно кораблекрушение и плот, мы погружаемся в ожидание, тонем в страхе, отказываемся признать, что все кончено, и вдруг выныриваем в виртуальной реальности, хватаемся за ложные присутствия, за призраков, которыми населена Сеть, вместо настоящих тех, с кем нас разлучили, вместо того чтобы расстаться с ними навсегда или опять воссоединиться. И пусть лишь зеленый огонек говорит нам о том, что они еще на связи. Ах, до чего же приятно было видеть этот зеленый огонек! Он действует успокаивающе. Даже если человек вас игнорит, вы знаете, где он – вот же, здесь, на

вашем экране, в каком-то смысле зафиксирован в пространстве, пойман во времени. Особенно если рядом с зеленым огоньком написано «Web». Тогда даже можно представить себе, что тот, с кем вы разлучены, сидит у себя дома, за компьютером; это дает вам ориентир в пространстве бреда, состоящем из тысячи предположений. Но когда рядом с огоньком стоит пометка «Mobile», это лишь добавляет вам беспокойства. «Мобильная связь». Мобильная, понимаете?! «Мобильный» означает «в движении, бродячий, вольный как ветер»! Это означает, что за ним не угнаться. Он может быть где угодно со своим телефоном. И все же вы хотя бы знаете, чем он занят, по крайней мере догадываетесь, а это уже само по себе приближает вас к нему и успокаивает. Вы приходите к выводу, что занят он чем-то не слишком увлекательным, если каждые десять минут заходит на свою страницу в Фейсбуке. Быть может, он тоже наблюдает за вами, прячась где-то там, за вашей «стеной»? Так дети подглядывают друг за другом. Вы слушаете те же песни, что и он, почти в реальном времени, сосуществуете с ним в музыке, вы даже танцуете под мелодию, ритм которой он отбивает пальцами. А когда он уходит в офлайн, вы открываете его профиль и изучаете информацию о последней активности. Вы, к примеру, можете понять, в котором часу он проснулся, – ведь ясно же, что первым делом после этого он открыл ленту друзей. Еще вы обнаружите, что днем он смотрел вот на эту фотографию и оставил под ней коммент. Что ночью его мучила бессонни-

ца – ему и писать-то об этом не обязательно. Вы превратитесь в рапсода – «сшивателя песен», начнете плести полотно догадок, латая дыры в сети. Не зря же это называется Сетью. Здесь можно быть и рыбаком, и пойманной рыбой. Но рыбак и рыба взаимосвязаны, один существует ради другой, посредством другой, они объединены сетью, Сетью, общей религией. Не общаются, но сообщаются.

Ну, разумеется, это больно, тоже больно: человек где-то там, в Сети, он доступен, но не с вами. Можно столько всего себе навообразать, и вы воображаете, строите предположения, просматриваете страницы его новых друзей и подруг в поисках какого-нибудь поста, который расскажет вам о нем; пытаетесь расшифровать даже самые незначительные комментарии, складываете так и эдак мозаику из профилей и событий, переслушиваете снова и снова песни, которые он загружал, стараетесь истолковать их тексты, выясняете его предпочтения, разглядываете фотографии, прокручиваете видео, вычисляете местоположение, выясняете, на какие мероприятия он собирается сходить, лавируете на своей подводной лодке в океане лиц и слов. В какой-то момент вам начинает не хватать воздуха, вы задыхаетесь на борту этой подлодки, куда вас затолкали и забыли. Да, это больно. Но еще больнее не знать о нем совсем ничего, быть отрезанной раз и навсегда. «Я знаю, где ты» – эта фраза была жизненной необходимостью для меня, понимаете? Почти как в той надписи на могиле какого-то американца на кладбище Пер-

Лашез... когда-то я любила там гулять... Жена выгравировала на его надгробии: «Генри, наконец-то я знаю, где ты будешь спать сегодня ночью». Здорово, правда? Вот и в Фейсбуке почти так же, с той разницей, что человек жив, но при этом у него есть постоянное место прописки, он частично лишен свободы передвижения и всегда остается на известной территории. На оккупированной. Так что тот крошечный зеленый огонек в списке контактов поддерживал во мне жизнь, как перфузионная трубка, как ингалятор. Он помогал мне дышать. А иногда по ночам он становился моей утренней звездой. Не буду вам это объяснять. Просто констатирую факт. У меня был оазис посреди пустыни, ориентир. Без него я бы умерла. Понимаете? Умерла бы.

А теперь можете вслед за вашими коллегами рассуждать о том, что все сказанное мною свидетельствует о моей синкретической связи с матерью, о невозможности разорвать воображаемую пуповину, о фрустрации и *tutti quanti*⁴. Но не вздумайте при этом заявлять, что у меня была... что у меня *есть* возможность переключиться на другое – на работу, друзей, детей. Я сама ребенок! Ясно вам? Ребенок. Ребенком можно быть в любом возрасте. Надеюсь, где-нибудь там, в моей истории болезни, написано, что я ребенок?

Что значит быть ребенком? Как вам сказать... Это значит нуждаться в чем-то внимании. Хотеть, чтобы тебя убаюкивали.

---

⁴ Обо всем таком прочем (*ит.*).

Ну да, пусть даже иллюзиями, почему нет? Иллюзиями тоже можно убаюкать. Смотрите, как вы обрадовались! Довольны собой? «Даже иллюзиями?» – вкрадчиво так уточнили. Вы, кстати, врач или просто психолог? Чувствуете разницу? Что мне не нравится в вашем ремесле, в этой вашей как бы «науке», так это ее неспособность ничего изменить. Вы можете объяснить человеку, что с ним происходит и что происходило раньше, но это его не спасет. Не важно, понимает человек причину своих страданий или нет – он все равно страдает. Никакой от вас пользы. Нельзя склеить разбитые надежды. На заштопанных простынях неудобно спать.

Вы мне так и не ответили, Марк, есть ли у вас аккаунт в Фейсбуке. Что, ни за кем там не шпионите, да? Вам, надо полагать, всего этого хватает на работе.

В общем, поскольку у меня не было возможности общаться напрямую с Жо, я отправила запрос в друзья Крису, тому самому KissChris. Он должен был стать идеальным посредником, потому что с некоторых пор поселился у Жо. Познакомились они лет за десять до этого в редакции «Паризьен» – Крис работал фотографом, Жо проходил стажировку. Обоим было лет по двадцать пять. Насколько я поняла, два-три года они вместе неслабо отжигали, а потом разругались насмерть – из-за работы, девчонки, травки или бабла. К тому времени, о котором я говорю, их помирил общий знакомый, третий участник той веселой банды. Крис как-то выкручивался, зарабатывал при случае фоторепортажами, портрет-

ной съемкой, но в основном жил на пособие. А Жо, богатый бездельник, как раз собирался переехать в загородный дом родителей под Лакано, на берегу залива Аркашон, – чудесное местечко, у меня о нем сохранились волшебные воспоминания. «Время проходит, воспоминания остаются», как пишут в эпитафиях. Ведь у нас с Жо были и счастливые моменты. Несколько счастливых моментов. Наверное, у всех они бывают, можно немножко накопить. Родители Жо унаследовали приличное состояние от какой-то бездетной родственницы, и деньги для него не были проблемой. Он увлекался музыкой – так, не серьезно, – но его мать хотела, чтобы к сорока годам сын был при деле, хотя бы формально, и семейство назначило его сторожем, садовником, сантехником и электриком летней резиденции. Разумеется, толку от него в этих сферах деятельности не было никакого. В Париже Жо приглашал меня к себе довольно редко... иногда я говорю себе, что главной причиной его переезда в провинцию было желание усложнить для меня возможность с ним видеться... Но одиночество он терпеть не мог и предложил Крису пожить у него. Маргерит Дюрас где-то писала, что мужчины любят время от времени побыть в чисто мужской компании, чтобы отдохнуть от собственного интереса к женщинам – слишком не похожим на них и утомительным. Женщины постоянно требуют каких-то усилий, а им лень, ну, во всяком случае, надолго их не хватает. Если только потрахаться. Они успокаиваются, обеспечивая друг другу суровую муж-

скую поддержку, и в этот момент им женщины не нужны. Еще я думаю, Жо хотелось вспомнить молодость, повторить ее. Он всегда боялся старости. В собственном сознании Жо оставался восемнадцатилетним, фантазировал о молоденьких девчонках, о девственницах... вы в курсе, что слово «тинейджер» наряду со словом «секс» – самый популярный в мире запрос в поисковой строке Гугла? Короче, Жо верил, что пленку можно отматывать назад и запускать киношку заново бесконечное количество раз. Вот этим они с Крисом и занимались. Крис поселился в одном доме с Жо, как в старые добрые времена.

Нет, я тогда в глаза не видела Криса. Жо упоминал о нем пару раз, вот и все. Думаю, он просто не хотел нас знакомить, потому что был ужасно ревнив, хоть и старался это скрывать. Постоянно боялся, что у него отберут то, чем он обладает, даже если ему самому это уже не нужно. То, что было потеряно для Жо, не должно было достаться никому другому. Все, что переставало существовать для него, обязано было исчезнуть и для остального мира. В одну из наших последних встреч в Париже, перед расставанием, Жо показал мне несколько фотографий, которые Крис сделал и запостил в Фейсбуке, чтобы вызвать к себе интерес, «замутить хайп», как сказал Жо. Он не церемонился со своим «закадычным корешем», считал, что Крис и не думает искать работу – в Лакано тот хорошо устроился, накормлен и напоен, ему тут тепло и не дует, чего дергаться? Амбиций у Криса хоть от-

бавляй, но он собирается стать знаменитым и пальцем не пошевелив – разве что указательным, чтобы нажать на спуск затвора. Дескать, ждет, что в один прекрасный день его заметят и сразу объявят новым Депардоном⁵, смеялся Жо. Между прочим, фотографии оказались неплохими, я разглядывала их с интересом, но только потому, что в тот момент была с Жо. Потому что Жо был рядом со мной.

С Крисом? Нет, до определенного момента я его не только не видела, но и не разговаривала с ним. Впрочем, вру, однажды ночью мне приснился кошмар, и в результате я кое-что вспомнила. Рассказать вам, нет?

Ага, кошмары вас тоже интересуют. Ладно. Мне приснилось раннее утро. Представьте себе: я, элегантно одетая и накрашенная, вхожу в аудиторию – у меня лекция, – направляюсь к кафедре, и в этот момент все люди, сидевшие на скамьях, встают. Все как один одеты в синее и все как один показывают мне кулак с направленным вниз большим пальцем. Они с оглушительным шумом спускаются по ступенькам, не удостоив меня и взглядом, а затем молча покидают помещение. Я остаюсь одна за кафедрой, будто на троне, королева без подданных; мне страшно, я оборачиваюсь и вижу слово, написанное на доске заглавными буквами, как смертный приговор, – заглавными об обезглавливании. Тут я резко проснулась с колотящимся сердцем и с тем словом перед глазами. Возьмите ручку, вам надо его записать, этого навер-

---

⁵ *Депардон* Раймон (р. 1946) – французский фотограф и фоторепортер.

няка нет в истории болезни.

Что, не хотите? Вы, стало быть, не обязаны записывать что ни попадя, всякие пустяки, да? Ах, вы очень внимательно слушаете?

Так вот, то, что я прочитала во сне на доске, помогло мне вспомнить реальный случай в жизни. Как-то вечером я позвонила Жо в Лакано – я регулярно звонила, чтобы не терять с ним связь. Любовную связь. То, что от нее осталось. Обычно он не отвечал, но в тот вечер снял трубку. Он был пьян или обкурен, а может, и то и другое, потому что разговаривал угрюмо и агрессивно. Обвинил меня в том, что я за ним шпионю и постоянно звоню только для того, чтобы проверить, дома он или нет, поскольку хочу его контролировать. А потом Жо передал кому-то трубку – он часто так делал, если разговор ему наскучивал; иногда мог просто остановить прохожего на дороге и, не предупредив меня, попросить его сказать что-нибудь в телефон. Вот и тем вечером я вдруг на середине фразы услышала чужой голос. Мне сказали: «Привет». И еще: «Успокойся уже». Это был Крис, до меня только потом дошло. В ответ я возмутилась, заявила, что не собираюсь успокаиваться, что я в бешенстве. Поступок Жо меня разозлил, хотя раньше я могла и посмеяться вместе с каким-нибудь незнакомцем, зацепленным им на улице... Но на этот раз парень на другом конце линии не показался мне забавным: он мне «тыкал», его голос был пьяным и снисходительным. «А ты не старовата для игры в ревность?» – ска-

зал он мне. Я взбесилась, потребовала отдать трубку Жо. Он фыркнул в сторону: «Отстойная у тебя телка, – и затем продолжил, обращаясь ко мне: – Ты что думаешь, тебе все позволено? Думаешь, всякая хрен знает кто может сюда звонить и что-то требовать?» – «Я не всякая! – заорала я. – И уж, по крайней мере, не содержанка, в отличие от тебя! Я не живу за его счет!» Тут я услышала, как парень, по-видимому, затянулся сигаретой, выпустил дым и, перед тем как бросить трубку, так и не передав ее Жо, прошипел: «Сдохни!»

Сдохни.

Этим словом можно убить.

Некоторые из окна прыгают и по менее серьезной причине, верно? В нашем заведении таких прыгунов полно. Они все упали под ударами слов.

«Сдохни». «СДОХНИ!» Чужие слова преследуют их, как злые духи. Чужие голоса отдают им приказы, которым нельзя не повиноваться. Назовем это текстуальными домогательствами, ха-ха. Как видите, словесные игры я тоже люблю. Мы с вами поладим.

Короче, я клоню к тому, что все, случившееся потом, совершенно невозможно было предугадать или просчитать. Когда я создавала фальшивый аккаунт в Фейсбуке, Крис был для меня паразитом, грубияном и женоненавистником, врагом моего и без того непрочного союза с Жо. Я и не думала вступать с ним в переписку, мне всего лишь нужен был доступ к новостям о моем Жо.

«Сдохни».

В итоге я так и сделала, правда же? В конце концов подчинилась приказу. Здесь я не живу. Вы именно обо этом думаете, да? Повелительное наклонение психи воспринимают как приказ, не подлежащий обсуждению, верно? Ну, говорите же, вы ведь думаете именно так? Однако приказ может отрикошетить в того, кто его произнес. «Сам сдохни!» От психов всего можно ожидать.

У вас там написано, что я – псих?

Может, все женщины чокнутые?

Поскольку Крис позиционировал себя в Фейсбуке как профессионального фотографа, я выбрала для аватарки образ девушки, увлеченной искусством фотографии, и загрузила в свой профиль картинку, найденную в Гугле. На ней брюнетка, лицо полностью закрыто «Пентаксом», видны только черные волосы – по снимкам подружек Криса я поняла, что он предпочитает брюнеток. В профиле я указала, что мне двадцать четыре года (на двенадцать меньше, чем Крису, хотя на самом деле на двенадцать больше) и что живу я в окрестностях Парижа, но редко бываю дома, поскольку много путешествую, – в общем, приняла меры предосторожности на всякий случай. Перед тем как отправить Крису запрос на добавление в друзья, я, чтобы не вызвать у него подозрений, обзавелась парой десятков контактов среди незнакомцев, связанных с фотографией или с модой, таких же, как

он – cool, swag⁶, общительных бездельников, довольных собой, in love with life⁷. Крис тотчас меня зафрендил и даже проявил инициативу: первым начал переписку, потому что я лайкнула одну из его фотографий. Кажется, это было в начале года, в январе. Мы с Жо поссорились в сочельник – во время праздников люди становятся уязвимее, еще острее переживают одиночество, если вдруг остаются одни, и Жо не мог упустить такую возможность: он бросил меня в канун Рождества. Так что я очень обрадовалась неожиданному посланию, полученному от Криса через несколько дней, хотя в нем и не было ничего особенного: «Рад, что тебе нравятся мои работы, спасибо, с Новым годом. Меня зовут Кристоф, для друзей – Крис». Вот и все, никаких попыток меня закадрить, просто вежливая благодарность.

Зато таким образом установился контакт. Я ответила, что восхищаюсь его работами и даже была на его выставке в прошлом году на улице Лепик (я видела вывешенный на странице Криса флаерс: какой-то бар-галерея предлагал на продажу широкоформатные фотографии). Он спросил, не встречались ли мы там случайно, я написала, что его не было, когда я приходила. Параллельно не забывала прочесывать его страницу на предмет информации о Жо. Правда, попадалась всякая ерунда: Жо на снимке, переодетый в садового гнома, и под ним иронический коммент: «Мой кореш – спец по раз-

---

⁶ Крутых, гламурных (англ.).

⁷ Влюбленных в жизнь (англ.).

вешиванию ботвы». Хоть что-то – связаться с ним напрямую я все равно не могла.

Общение с Крисом развивалось легко и непринужденно. Он поинтересовался, чем я занимаюсь, живу ли в Париже. Я придумала себе временную работу, связанную с организацией модных показов. Мол, получаю гроши, оформлена как фрилансер, зато не скучно: все время в разъездах, общаюсь с новыми людьми, тружусь на собственное резюме, мне ведь, в конце концов, всего двадцать четыре. А живу в Пантене⁸.

О моде я упомянула, чтобы подогреть его интерес; о разъездах – чтобы обеспечить себе отмазку на случай, если Крис вдруг решит пригласить меня на свидание (я не исключала такого поворота событий). В командировки, дескать, как правило, приходится срывать неожиданно и в последний момент – босс может дать отмашку в любое время, благо я не замужем и ни с кем не встречаюсь. Спросила, как обстоят дела у Криса. А он живет в Лакано, в загородном доме приятеля в двух минутах от океана, и там просто шикарно (еще бы! Прочитав это, я задохнулась от ревности – Крис занял мое место, это я должна быть там, рядом с Жо!). Они оба собираются махнуть на несколько месяцев в Индию, в Гоа, будут снимать там документалку о повседневной жизни простых людей, чтобы поведать миру о нищете и несправедливости. Еще его приятель надеется обзавестись друзьями среди музыкантов. А сам он подумывает о книге. Что, нашел

---

⁸ *Пантен* – коммуна рядом с XIX округом Парижа.

издателя? Ну, вообще-то нет пока, но многие редакции уже сильно заинтересовались.

Конечно, я потешалась от души, читая откровения Криса. Жо озаботился нищетой и несправедливостью?! Для этого нужна способность к сопереживанию, а он ее начисто лишен. Другие люди, за редкими исключениями, не существуют для Жо, вокруг себя он видит лишь статистов без эмоций, животных, подчиненных инстинктам, и вещи, которые можно отбросить с пути одним пинком. Но может быть, Крис совсем не такой? Я сразу об этом подумала. То есть понадеялась. Его манера писать, простая и любезная, его вежливость, сдержанность, доброжелательность – все отличало Криса от Жо настолько, что я даже, как видите, совершенно позабыла об этом его «Сдохни!». Вместе с тем меня ужасало, что Жо намерен уехать так надолго – Лакано все-таки не дальний свет, мысль о том, что Жо находится в пределах досягаемости, успокаивала. В своем воображении я могла бы туда отправиться, долететь на птичьих крыльях. В Гоа – нет.

Очень скоро я увлеклась игрой – и очень скоро игрой это быть перестало. В первое время я со всех ног бежала домой, едва закончив лекцию в универе, и сразу усаживалась за ноутбук. «Мам, да ты теперь реальный гик!» – смеялся мой старший сын; ему тогда было тринадцать. На свою настоящую страницу в Фейсбуке я заглядывала лишь краем глаза – знала, что ничего любопытного меня там не ждет, – и сразу же открывала вымышленный профиль.

Псевдоним я подбирала со всей тщательностью: оставила свое имя Клер, приняв во внимание его иронический смысл⁹, а фамилию к нему добавила, во-первых, иностранную, во-вторых, писательскую – Антунеш. Вы читали Антониу Лобу Антунеша, Марк? Какое упущение! Это великий португальский писатель и, между прочим, психиатр по образованию. Но сейчас он вроде бы не работает по специальности, только пишет. А собственно, чем еще заниматься?

Иностранную фамилию я взяла не случайно – чтобы можно было «вернуться на родину», если понадобится. Я немного говорю по-португальски... и потом, понимаете, фаду, саудади – все это мне близко. В общем, Клер Антунеш. В выборе личности всегда остается что-то необъяснимое, согласны? Как в романах. Я ведь пишу роман, знаете ли. У нас тут есть литературный кружок. Пишу, но никому не показываю. Никто его еще не читал, кроме Камиллы. Это она организовала литературный кружок, вы с ней знакомы? Я уже приближаюсь к финалу.

Так вот, начиналось у нас с Крисом все потихоньку. Мы обменивались сообщениями каждые два-три дня, постепенно узнавали друг друга. Вернее, я узнавала его, а он – Клер Антунеш, девицу двадцати четырех лет, внештатницу, работающую по трудовому договору, немножко застенчивую и не слишком активную в Фейсбуке (у меня было всего три десятка френдов), любительницу фотоискусства, хорошего фран-

---

⁹ Имя Клер (Claire) по-французски означает «ясная, прозрачная, светлая».

дузского шансона и путешествий. Крис считал ее «крутой» – cool, он использовал это английское словечко очень часто и по отношению ко всему на свете; мог так сказать о пейзаже, о музыке, о человеке. Поначалу я выжидала несколько часов, перед тем как ответить на его месседжи, потом стала заходить в Фейсбук поздно вечером, когда Крис почти безотлучно был в Сети, – мне весело светил зеленый огонек! – и мы стали переписываться онлайн. Меня по-прежнему интересовало, что делает Жо, и я пыталась разузнать у Криса о жизни в Лакано: не скучно ли ему в опустевшей на зиму деревеньке, чем он занимается целыми днями. Крис писал, что ему ничуть не скучно – он любит одиночество, что свет над океаном сейчас волшебный, и это cool. Спрашивал, как дела у меня. А у меня все было наоборот – нескончаемые разъезды и общение с новыми людьми. «Вау, это же cool!» Надо признать, разнообразием наши диалоги не отличались, и порой я начинала скучать – мне не хватало резкости Жо, его чувственности, злобы и сарказма. С Крисом мы общались как-то по-бойскаутски, если вы понимаете, о чем я. Но вы, Марк, конечно же все понимаете. Со своей стороны я старательно подбирала слова и периодически нарочно делала орфографические ошибки (честно говоря, это требовало усилий – терпеть не могу издевательства над языком. Язык – отражение моей жизни. Когда решу окончательно сдохнуть, я замолчу). Крис тоже порой допускал ошибки, но не слишком часто и в основном те, что характерны для всех моих студен-

тов: путал на письме будущее время с условным наклонением, игнорировал правила согласования причастий прошедшего времени, ну и прочее в таком духе. Я научилась пользоваться сокращениями, щедро разбрасывала смайлики и сыпала английскими словечками – «френды», «лайки», «поча-тимся», «кул». Вот это уже было нетрудно – дети исправно пополняли мой словарный запас. Тогда они жили неделю у меня, неделю у своего отца – мы так договорились во время развода.

Ну, естественно, я по ним скучаю. Что за вопрос? Но я не хочу их видеть. I prefer not to¹⁰.

Я старалась почаще льстить Крису, ведь мужчины любят лесть, но... Да, а вы не замечали? Ах, это потому, что вы мужчина и к тому же психолог! Фрейд приписывал нарциссизм исключительно женщинам. «Женщина любит только саму себя» и так далее... Ну да, возможно, он имел в виду не всех женщин, вы знаете Фрейда лучше, чем я. И тем не менее ничего подобного он не говорил о мужчинах. Мужской нарциссизм не входил в интересы Фрейда, разве нет? Кстати, я отпускала Крису комплименты вполне искренне – он был талантливым фотографом, а я дилетанткой, поэтому восхищалась его техникой и «особым взглядом», способностью поймать мгновение. Он обещал меня всему научить, уверял, что это несложно, главное – правильно выстроить кадр. «Я тебя научу», – говорил он и таким образом разворачивал передо

---

¹⁰ Здесь: предпочитаю не видеть (англ.).

мною наше совместное будущее IRL – in real life¹¹, – рисовал перед моими глазами нас обоих друг подле друга. И меня охватывали тревога и тоска, как всегда в те моменты, когда приходит осознание несбыточности того, от чего ты еще не успела отказаться. Смириться с тем, что не можешь что-то осуществить, – вот это, наверное, и есть счастье. Выйти из поля зрения, когда не попадаешь в кадр. Вырваться из рамок.

Впрочем, здесь-то я постоянно в рамках. В кадре. Тут есть четкие границы. Я как будто все время на фотографии.

Ваша обязанность – держать меня в кадре, Марк? Или, скорее, вернуть мою фотографию в рамку. А если я откажусь в нее вписаться? Как нам тогда быть? А? И кому будут принадлежать права на контент? Ведь его создают сообща. Как любовь. У каждого есть право на любовь, но это право можно уступить третьим лицам.

Да, вернемся к Крису. Вскоре он очень деликатно попросил меня прислать свою фотку, потому что, как он написал, ему ужасно хотелось меня увидеть. Поскольку на моей аватарке лицо было скрыто, Крис предложил отправить вторую фотографию ему в «личку», в ЛС, если я не хочу светиться. Думаю, моя застенчивость ему нравилась, а таинственность, созданная мною, возбуждала. Ему хотелось таких вот привилегированных отношений – с женщиной, принадлежащей только ему. Разве можно за это осуждать? Перед тем как попросить у меня фотографию, Крис откомментировал ту, что

---

¹¹ В реальной жизни (англ.).

была в моем профиле. Ту, на которой видны только «мои» волосы. Он представлял себе, что за фотоаппаратом, за этим черным забралом, скрывается сказочно прекрасная девушка. И ему нужны были доказательства...

«Что, фотографию? Вы хотите сказать, еще одну? Да нет, не против, что тут такого...»

Второй снимок я выбрала наугад, как и первый. Вбила «красивые брюнетки» в поисковой строке «Гугл имаджис» и получила десятки фотографий красоток разной степени обнаженности. Взяла, конечно, самую скромненькую. Вот и все. Вообще, если так подумать, Крис довольно долго – несколько месяцев – выжидал, прежде чем решился на эту просьбу, хотя мы с ним общались в Фейсбуке как минимум два-три раза в неделю. Должно быть, ему нравилось воображать меня, представлять себе лицо, которое скрыто за объективом. Есть ведь такие мужчины, и их становится все больше, правда? Они предпочитают воображаемые отношения реальным объятиям – то ли потому, что не хотят разочароваться, то ли потому, что боятся разочаровать.

Впрочем, я, кажется, слегка преувеличила. Вот сейчас вспомнила: где-то в конце февраля Крис написал мне, что на пару дней приедет в Париж, «на квартиру приятеля», и пригласил выпить по бокалу вина. Я ответила, что это очень любезно с его стороны, но мне как раз предстоит команди-

ровка в Милан на Fashion Week¹², увы и ах. Заодно спросила, что он собирается делать в Париже и не связано ли это с грядущим путешествием в Гоа. Крис подтвердил: да, он со своим приятелем Жо очень скоро уедет в Индию, в Париже осталось уладить последние формальности – оформить паспорта, сделать прививки. Он огорчился, что мы не встретимся, но, может быть, в другой раз...

Нет-нет, все нормально, Марк, просто... Знаете, обычно такие безграмотные выражения – «на квартиру» и тому подобное – меня бесят. Но когда они проскакивали у Криса (а от моего внимания это конечно же не могло ускользнуть), я испытывала что-то близкое к эротическому удовольствию, как будто наши языки соприкасались физически, сходились в схватке. Я старалась говорить, то есть писать в его стиле, чтобы не вызывать подозрений, но из этой нашей несхожести, из разницы между нами рождалось влечение, и оно росло. Бывает, вот так же вдруг влюбляешься в иностранный акцент или в непривычную интонацию. Все мы в любви – туристы, ищем неизведанное, новых людей и незнакомые территории. И в первую очередь открываем все это для себя в языке. Кстати, вы уже встречались с Мишелем? Неужели не видели его – такой лысый толстячок, вечно со словарем под мышкой? По-моему, он тут с начала времен. Мишель – специалист по древнееврейскому, занимается этимологией. Вчера за обедом он сообщил нам, что «аминь» означа-

---

¹² Неделю моды (англ.).

ет «правда». Здорово, да? Так нужно заканчивать все высказывания, особенно когда речь идет о любви. «Я вас люблю. Аминь».

Ладно, поехали дальше. Несмотря на то что мне доставляли удовольствие фиктивные отношения с Крисом – я говорю «фиктивные», но нужно понимать, что в каком-то смысле они были реальными; это были настоящие отношения, и мне они нравились, – несмотря на это, я по-прежнему страдала от молчания Жо. Невыносимо было думать, что очень скоро он возьмет и умчится в Гоа, даже не позвонив мне. В итоге я собралась с духом – ну, или совсем свихнулась, как вам будет угодно, – и отправила ему эсэмэску. Жо ответил сразу: «Привет.

Уезжаю далеко и надолго. Если хочешь напоследок оторваться, сегодня в полночь у тебя». Я написала, что жду его.

Мы с Жо не виделись несколько месяцев. И вот он снова оказался рядом со мной: красивый, загорелый, просоленный океаном, охваченный радостным возбуждением перед путешествием. Было ясно, что в мыслях он уже не здесь. Жо, как и все люди, жил настоящим, одним днем, но, в отличие от других, он наслаждался не только текущим моментом, но и верой в то, что следующий момент сделает его еще счастливее. Настоящее было для Жо вечной проекцией сказочного будущего. Настоящее представлялось ему прекрасным и удивительным, потому что было переполнено возможностями. И когда той ночью мы легли в постель, я как будто зани-

малась любовью с призраком – Жо был уже на пляжах Гоа, в окружении восхищенных тинейджеров, видящих в нем героя и кумира, он уже налаживал там торговлю драгоценными камнями, побеждал в соревнованиях по серфингу, создавал свою группу и играл транс – музыку, которая его непременно прославит... Жо всегда был такой: радовался «сегодня» тому, что могло и не случиться «завтра». Я недавно говорила вам об отказе от несбыточного, так вот Жо в этом фокусе не нуждался – он никогда не признавал собственного бессилия, никогда. Он отрицал потери и крушение надежд – именно это помогало ему не чувствовать себя несчастным. И он ни секунды ни в чем не сомневался – можно сказать, был оптимистом-фундаменталистом. И по счастью, шквал этого его бурного энтузиазма, устремленный в будущее, пронесся надо мной, не покалечив: я перестала существовать для Жо. Перед тем как закрыть за собой дверь, он посоветовал мне вернуться к мужу, а бросая последний, преисполненный жалости взгляд на мою квартиру, мои книги, мое лицо, как будто подумал: жизнь этой женщины будет серой и безрадостной, не в пример моей, прекрасной, на другом краю света. Ведь некоторым мало быть счастливыми – им надо, чтобы все остальные при этом были несчастны; известный принцип. Но той ночью я вдруг поняла, что для меня все изменилось: да, мне, как и раньше, понравился секс с Жо, однако на этот раз я думала о Крисе. Такая вот ирония: я познакомилась с Крисом, чтобы получать новости о Жо, а теперь жадно

расспрашивала Жо о Крисе. И узнала кое-что неутешительное – оказалось, у Криса есть девушка, ей всего двадцать, но она уже успела развестись с отцом своего шестимесячного ребенка. Они с Крисом встретились на пляже в Лакано три месяца назад; правда, видятся довольно редко, потому что она живет в Бордо, а Крис не собирается к ней переезжать. «Кому охота слушать с утра до ночи, как орет чужой младенец. Крис, конечно, придурок, но не шизик», – откомментировал Жо. Хорошо, что Крис познакомился с ней не в Фейсбуке, подумала я, пока он говорил. Меня охватило такое отчаяние, что я была рада уцепиться за любой, даже самый малюсенький плюсик – мне хотелось, чтобы наша с Крисом история («наша история», ага!) хоть чем-то отличалась. И в то же время я не имела права упрекать Криса за его интрижки, потому что между нами не шло речи о любви, только о дружбе, и более того – о виртуальной дружбе. «Ну как ты, my new friend?»¹³ – писал он мне, к примеру. Или: «Чмокаю в щечку, таинственная подруга».

Разница в возрасте? Вы о чем? А, между Крисом и мной? Нет, я подумала, вы говорите о Крисе и его пассии: ему тридцать шесть, ей двадцать, итого шестнадцать лет разницы – это вам не шутки. Но вас волнует конечно же совсем другое. Вы желаете знать, был ли для меня проблемой тот факт, что я старше Криса на двенадцать лет? Иначе вы не задали бы такой вопрос. Если бы это Крису было сорок восемь

---

¹³ Мой новый друг (англ.).

и он влюбился в тридцатилетнюю женщину, тогда вопросов вообще не возникло бы, для ваших умозаключений наша разница в возрасте не имела бы значения, вы бы и не упомянули о ней. Видите ли, вы невольно приблизились к драме, которая разыгрывается в жизни всех женщин, и сами того не поняли, хотя вроде бы это ваша профессия – знать толк в душевных драмах. А может, дело в том, что вы слишком молоды и в любой зрелой женщине видите мать – в таком случае, вам надо лечиться, Марк. В скобках замечу: меня до колик смешит этот ваш пресловутый «эдипов комплекс», которым вы, мозгоправы, всех пичкаете под разными соусами. Убить отца, чтобы жениться на матери? Пфф! Для описания реального положения вещей давно нужен другой миф: муж убивает жену, чтобы трахнуть ее дочь, – вот это жизненная ситуация, это гораздо правдоподобнее. Скобка закрывается. А теперь объясните мне, почему женщина, едва ей исполнится сорок пять, должна самоустраниться из мира живых, вырвать из своего тела колючку желания... Ха-ха, колючку! Слыхали, доктор? Ладно, скажем – занозу. Так вот, почему женщины должны вырывать из себя занозу желания, тогда как мужчины после сорока пяти продолжают жить как прежде – строят свое будущее, делают детей, перекраивают мир до самой смерти? Чувство несправедливости начинает нас терзать задолго до означенного рубежа, мы как будто предугадываем несправедливость, еще не пережив ее. В мужчинах есть что-то, не ведающее границ (я не об

интеллекте), какие-то двери, которые никогда не захлопнутся, – это ощущается даже в маленьких мальчиках, а порой и в древних стариках. Я недавно видела по телевизору Жан-Пьера Моки¹⁴ – он хвастался, что в свои восемьдесят с лишним лет по-прежнему занимается сексом. «У меня еще встанет!» – сообщил он, поглядывая на молоденькую актрису, которая годилась ему в правнучки. И публика восторженно зааплодировала. «У меня еще встанет! Аминь». А теперь представьте себе, что восьмидесятилетняя дама вдруг прилюдно заявит, мол, у нее при виде молодого парня в трусах становится мокро. Какая возникнет неловкость! В реальной жизни это неприемлемо. Но мужчинам можно все. Мир принадлежит им в большей степени, чем нам. Все принадлежит – пространство, время, улица, город, работа, мысль, слава, будущее. Как будто у них перед глазами всегда беспредельный простор, и где-то там – дальний-предальний план, который они могут разглядеть, вытянув шею и привстав на цыпочки. Где-то там – за нами, женщинами, и рассмотреть это можно только поверх наших голов. Я, к примеру, никогда не чувствовала себя линией горизонта для мужчины.

Для сыновей? Возможно, да, когда они были совсем маленькими. Но сейчас-то они уже тинейджеры, на голову переросли меня и во всех смыслах смотрят поверх моей головы.

Нет, для мужа – никогда! То есть... Он считал *себя* мо-

---

¹⁴ Моки Жан-Пьер (р. 1933) – французский режиссер, сценарист и актер.

ей линией горизонта. Был абсолютно уверен, что мое будущее может быть связано только с ним. «Женщина – это будущее мужчины»¹⁵ – ну да, как же! Хорошая шутка... Тогда уж «женщины», во множественном числе. Как межевые столбы на пути.

Разница между нами в том, что у каждого мужчины есть будущее. Всегда. Завтрашний день без нас. Да, возможно, у мужчин меньше продолжительность жизни, но они дольше чувствуют себя живыми. Я где-то читала, что на сайтах знакомств разверзается пропасть между сорокадевяти- и пятидесятилетними женщинами. Страницы сорокадевятилетних просматривают в среднем сорок человек в неделю. У пятидесятилетних не более трех просмотров. А ведь они ничуть не изменились, остались прежними, всего-то год добавился. Вы видели скетч на тему консервов? Не помню, кто автор. На консервах пишут: «Употребить до 25 марта 2014 года». Но что происходит в банке в ночь с 25-го на 26-е?... Мы, женщины, – банки с консервами. В определенный момент у нас истекает срок годности. Если бы на той странице в Фейсбуке я указала свой настоящий возраст и вывесила собственную фотографию, Крис, наверное, не добавил бы меня в друзья. По крайней мере, едва ли у него возникло бы желание познакомиться поближе с женщиной, которой сорок восемь лет.

Ну, разумеется, я в этом не вполне уверена. Не хочу смотреть правде в глаза – в них можно увидеть приближение ка-

---

¹⁵ Художественный фильм корейского режиссера Хон Сан-су (2004).

тастрофы. Вместо того чтобы посмеяться над несправедливостью или бросить вызов такому положению вещей, я запрятала свои чувства поглубже и научилась с этим жить, смирилась. Теперь уже поздно что-то менять.

Как мило, Марк, вы потихоньку исправляетесь – пытаетесь докопаться до сути и взяли верное направление. Ну да, я конечно же знаю, что не выгляжу на свои годы. И знаю, что многие мужчины считают меня красивой. А вы считаете меня красивой, Марк? Или вам нельзя говорить со мной на такие темы?

Спасибо.

Почему я вас благодарю? Зачем мне это подтверждение? С какой стати мне вообще волноваться, считают ли меня красивой?

О, к тому времени прошел уже целый год после развода. Я ушла от мужа незадолго до встречи с Жо, бросила его без сожалений и угрызений совести – знала, что он быстро найдет мне замену. Собственно, он так и сделал, женился во второй раз. Мой бывший муж принадлежит к тому типу мужчин, о которых говорят: «Он любит женщин». На самом деле это необходимый способ сказать: «Он никого не любит». При этом муж хотел, чтобы я осталась с ним, но мне не понравились его аргументы. «Ты будешь стареть, и очень скоро тебя уже никто не захочет, – заявил он. – Ну сколько еще у тебя в запасе – два года, от силы три? Молодым парням не нужны зрелые женщины. Ты можешь и дальше строить карьеру, за-

щищать диссертацию, публиковать статьи, заниматься фитнесом, можешь оставаться блистательной и элегантной – это тебе не поможет, если молодость прошла. Зато я всегда буду рядом, даже когда ты станешь дряхлой, морщинистой, безобразной. И ты скажешь мне спасибо за то, что я тебя не бросил». Нарциссизм, проявляющийся в жалости, – заметили? А муж, между прочим, на три года старше меня: кожа на торсе начинает обвисать, лобковые волосы седеют, на макушке наметилась лысина. Да, мне тоже в карман за словом лезть не надо, чтобы выставить его жалким стареющим ничтожеством! Но сейчас речь о *моей* агонии: попытавшись сохранить наш брак, муж как будто предложил мне похороны по первому разряду. Вот она, высшая форма ненависти – могильщик ждет благодарности за вырытую для вас могилу. Но я не хотела умирать. Если бы он сказал, что любит меня, я бы осталась. А впрочем, может, и нет. Зачем нужна любовь без влечения? Что это такое? Как ею заниматься? Ответьте же! Не знаете? Я просто не хотела умирать, вот и все, даже если бы меня забросали цветами.

Вот. Ну, теперь вы лучше понимаете? Дошло до вас, почему здоровая сорокавосемилетняя тетка (я так часто повторяю свой возраст для статистики – вам же нужно заполнять какие-то таблички?), почему в финале трагедии она вдруг оказалась в смиренной рубашке? А потому, что не хотела умирать.

«Сдохни!» – это говорит женщинам весь мир, кому-то ти-

ше, кому-то громче. Эхо звучит и в литературе – почитайте хотя бы Уэльбека. Вы ведь читали Уэльбека?... Вы, должно быть, единственный... Ну, или Ришара Милле – у него есть роман, в котором героиня решила умереть в сорок четыре года. Сорок четыре для нее (или для Милле!) – это возраст, когда женщина теряет красоту, *а следовательно*, ей не остается ничего иного, как умереть. Она так и сделала! Весь ужас романа в том, что рассказчик, ее любовник, был рядом на протяжении всей агонии, в ожидании смерти как неизбежной, запрограммированной развязки, столь же неотвратимой, как исчезновение его влечения к ней. Что еще он мог сделать, кроме как с горечью наблюдать увядание и распад? А что до Уэльбека, он вечно дудит в одну дудку: преждевременное снижение эротического потенциала женщины происходит оттого, что этот потенциал зиждется исключительно на физических критериях, которые тысячелетиями устанавливались для них «неразвитыми» мужчинами, тогда как «развитых» женщин может привлечь в противоположном поле и нечто другое – богатство, власть или интеллект. И что же, спрашивается, помешало мужчинам «развиваться»? Почему мы обречены быть никем даже для тех, кто притворяется, что испытывает к нам жалость? «Сдохни!» – единственное мужское пожелание женщинам. И причину долго искать не надо: сдохни, исчезни, чтобы уступить место молодым, дорогу мужчинам. Женщины – всегда изгой, люди второго сорта. Ого, ничего себе утешение! Другого у вас для меня не

нашлось? Надо же, вы покраснели! Знаете, мне вот в детстве так говорили: «Ну-ка ешь суп! Ты тут нос от еды воротишь, а в Африке дети голодают!» Да, о да, разумеется, в других странах женщинам приходится *еще хуже*. Предложение «сдохнуть» порой оказывается отнюдь не метафорическим. Иногда «Сдохни!» – это конкретный приказ. Я в курсе. И вы думаете, что меня это может утешить? По-вашему, я должна радоваться французскому гражданству, потому что за границей женщины реально умирают? И как же мне, по-вашему, жить *здесь*, если *там* мне ломают кости? Вы слышали по телику, что сказал тот тип, Хамадаш? Никогда не забуду эту фамилию, в ней звучит свист топора¹⁶. Он сказал: «Надо запретить женщин». Слышали? «Я пришел к выводу, – сказал он, – что надо запретить женщин». И заметьте, у нас, во Франции, тоже был такой деятель, только жил он в конце XIX века, во времена Гюисманса, Гонкуров и великих женоненавистников всех мастей. Не помню, как его звали. Он работал врачом, и все его помыслы были направлены на то, чтобы, цитирую: «Истребить этих козляков с шиньонами». Формулировка, конечно, смешная, но у меня почему-то не возникает желаний смеяться. С давних пор я просыпаюсь по ночам, даже тут, в холодном поту, с картинками чудовищных преступлений перед глазами: изуродованные лица пакистанских девушек, облитых серной кислотой, с дырами на месте глаз; покалеченные, растерзанные мужской ненавистью тела,

---

¹⁶ По-французски «hache» («аш») – «топор».

повсюду изнасилованные женщины, повсюду, и повешенные за собственное «бесчестье»; подростки с перерезанным горлом, младенцы, умерщвленные за принадлежность к слабому полу... Меня ужасает статистика: население планеты составляют 52 % мужчин и всего 48 % женщин, чья численность постоянно уменьшается, потому что нас убивают, сто тридцать миллионов убитых женщин, одна женщина из трех становится жертвой насилия как минимум раз в жизни... Знаете, я страдаю от сострадания к себе подобным. Каждую ночь вою от тоски при мысли о том, что я – женщина. С возрастом половая принадлежность стала для меня причиной бессонницы. Услышав в новостях о девушке, изнасилованной и забитой насмерть в автобусе в Индии на глазах у своего парня, я много дней не могла выкинуть из головы – я бы даже сказала, из памяти, будто сама это видела, – железный прут, которым ее проткнули насквозь. Ночами я стискивала ноги, с ужасом думая об этом, представляла себе движение прута туда-обратно, которым палачи разрывали ей внутренности, буквально видела тот момент, когда они выбросили ее из автобуса, как мешок с мусором, – и без конца повторяю слова, произнесенные одним из мерзавцев уже под арестом: «Мы решили убить женщину». Не развлекься, не потрахаться, не приколоться. Нет, «убить женщину». Эти слова настолько не поддаются осмыслению, что я повторяю их снова и снова в темноте, в своей спальне, не в силах понять. Это так же непостижимо, как фотография проституток, зарезанных

в предместье Багдада: двадцать девять окровавленных женщин в одном доме, все они вжимают голову в колени, чтобы хоть как-то защититься от оружия в руках мужчин. Глупая, смешная защита. Этот образ меня преследует, я задыхаюсь от рыданий, осознавая несчастье быть женщиной. Вы можете приводить мне примеры благополучной женской судьбы, как делал ваш предшественник, доктор... забыла имя. Он мне тут рассказывал сказки о Марии Кюри, Маргерит Юрсенар, Катрин Денёв. Бедняга так тужился припомнить еще кого-нибудь, все копался в памяти и чувствовал себя ужасно неловко, потому что против правды не попрешь: быть женщиной – великое несчастье. Где угодно. Везде. Всегда. Это битва, если хотите, но нет ничего страшнее поражения в ней. А поражение неминуемо, и это – несчастье. Вот потому-то я теперь почти не смотрю телевизор, по крайней мере новости никогда не включаю и не читаю информационные сводки ни в газетах, ни в иллюстрированных журналах – я не желаю, чтобы так поступали со мной, со мной в лице всех этих женщин, всех этих жертв. Женщины обречены на исчезновение, нас уничтожают – силой или пренебрежением, не важно. Мужчины всегда и везде несли женщинам смерть – это факт. На севере и на юге существует одна и та же диктатура – какая разница, фундаменталистская она или порнографическая. Мы существуем, только когда на нас смотрят мужчины, и умираем, когда они закрывают глаза. А они закрывают, и вы тоже, Марк. Вы закрываете глаза на жен-

скую участь. Разумеется, у нас тут и речи не идет о насилии в таких масштабах, это очевидно. Мы тут не умираем или умираем не так часто. Это уже что-то, да? А я так и вовсе в шоколаде по сравнению с другими, даже как-то неприлично жаловаться. Но мне плевать, я жалуюсь. Я подаю жалобу, я извещаю о своем исчезновении. Примите к сведению факт моей смерти, даже если он идет под рубрикой «Всякая всячина». Ибо покинуть мир живых не так уж легко. Сначала надо слиться с фоном, стать тенью, силуэтом, а затем обратиться в ничто. Дайте мне хотя бы поговорить об этом, прошу вас, не перебивайте, выслушайте меня. Равнодушие – это разновидность паранджи. Я вас шокировала? Для мужчин это еще один способ узурпировать право на физическое желание. Еще один способ закрыть глаза. Обед подан, объедки выброшены. Вчера была фантазией, сегодня превратилась в фантом. По-вашему, эти сравнения неуместны? Но ведь и я здесь неуместна. Здесь и там. Нигде. Для меня нет места. Помните анекдот? «Какая сверхъестественная способность появляется у женщин в пятьдесят лет?» – «Они становятся невидимыми!»

О, да я и правда вас шокировала. Вижу-вижу. Вы не слишком убедительно смеетесь. Небось подумали, что я мешанка? Жалкая мешаночка, которая пытается отождествлять свою судьбу с судьбой проституток и невинных жертв. Истеричка. Такой диагноз вы мне поставили? «Думает маткой». Так написано в ваших бумажках? Или там что-нибудь поху-

же? Психоз? Нарциссизм? Паранойя? Но это вы мещанин, вы. И к тому же ученый. Самый отвратительный подвид мещанина – тот, который думает, будто все знает, и гордится своим просвещенным взглядом на норму, отклонение от нормы и гормоны. Да ничего вы не знаете, Марк, не льстите себе! Что вы вообще можете знать о женщинах?

Иногда мне отчаянно хочется быть мужчиной. Это принесло бы облегчение.

Здесь, в заведении? Вы правы, сменим тему и будем взаимно вежливы. Отвечаю: нет, здесь я не чувствую себя невидимой, здесь меня как раз видно. Меня здесь видят все. Поэтому я остаюсь. В Африке – забыла, в какой стране, кажется, в Руанде – в качестве приветствия говорят: «Я тебя вижу». И это чудесно! Нам ставят лайки в Фейсбуке, мы считаем количество кулачков с поднятым вверх большим пальцем под фотками в своем профиле – смысл почти тот же. Однако нам мало быть просто увиденными – нам надо, чтобы нас видели в лучшем свете. И мы изо всех сил молодимся, прихорашиваемся, важничаем. Сопровивляемся исчезновению. Не желаем раствориться в толпе, боимся затеряться. Помому, в этом нет ничего удивительного. Легко понять.

Но я хотела совсем другого. Мне не нужно было, чтобы меня видели, и не важно, в каком свете. Я хотела, чтобы *признавали мое существование*. Чтобы кто-нибудь сказал: «Вот она!» Ну, как отец признает родившегося ребенка.

Ага, мозгоправ проснулся, я так и думала! Да, естествен-

но, отец меня признал, а вы что ожидали услышать? Но он хотел мальчика, как и все в целом мире. Я была второй дочерью, то есть разочарованием. Слова «признание» и «признательность» – однокоренные; когда я сказала «признавали», я имела в виду еще и «относились с признательностью». «Вот она, вот я, и наша связь неопровержима, нерасторжима и неотъемлема. Я тебя признаю и признателен тебе за то, что ты есть».

При этом добивалась я прямо противоположного, верно. Как жестоко, Марк! Но вы правы. Я скинула Крису фотографию другой женщины и лишила себя шансов быть признанной – вы попали в точку. Ладно, то есть о'кей, я действительно стремилась к противоположному – возможно, в глубине души хотела умереть. Женщина живет под угрозой смерти, она не может чувствовать себя в безопасности, никогда. В ней таится чувство неуверенности, зависимости – женское начало. Вы представляете себе, что значит жить, осознавая необходимость умереть? Заранее превратиться в призрак. Скитаться по Сети, прятаться под ней, как под вуалью. То, о чем я говорю, вы, психологи, называете «неосознанным стремлением к смерти», так? Стремление к смерти – своей или чужой, уже перестаешь различать.

И в то же время я никогда не чувствовала себя настолько живой, как в те несколько месяцев виртуальной связи с Крисом. Я не притворялась, что мне двадцать четыре года, – мне *на самом деле* было двадцать четыре. Тут, конечно, при-

годились театральные опыт. И память. И влечение. Я перевоплотилась в своего персонажа с ловкостью актрисы. А поскольку текста пьесы у меня не было, я импровизировала, исходя из реплик, которые подбрасывал партнер по сцене, отбивала его подачи. Каждый раз, вступая в диалог с Крисом в Фейсбуке, я ждала от него подсказок о том, как мне дальше играть свою роль, угадывала ее между строк роли Криса, пыталась различить в них его идеал, его альтер эго, мечту о женщине – о той, о ком мужчины грезят наяву. И все же для меня это была не просто роль – само мое естество мало-помалу менялось, трансформировалось под влиянием любви. Да, я думаю, это правильное слово, «любовь». Ведь полюбить – значит сойти с ума из-за кого-то, опрокинуться в него с головой, больше не принадлежать самой себе, верно?

Кроме того, мой персонаж был не так уж не похож на меня, знаете ли. К примеру, Клер Антунеш ничего не смыслила в компьютерах, так же как и я. Нас разделяли двадцать с лишним лет – целое поколение, я ей в матери годилась, ха-ха, – но у нас было много общего: застенчивость, мечтательность, желание любви и при этом отчаянное стремление к свободе, хотя бы к независимости (она сама зарабатывала на жизнь, не сидела на шее ни у родителей, ни у мужчин), а еще интерес к искусству (фотографии). И несмотря на юный возраст, Клер не была упертым гиком, поэтому мне не пришлось сильно напрягаться, разыгрывая идиотку, когда Крис вдруг предложил пообщаться в скайпе. «Скайп? А что это?»

– удивилась я. К счастью, он не настаивал. Я нравилась ему такой, какой казалась, – немножко out, чуточку space¹⁷. Романтическая мечта. Прекрасное, чистое создание в ожидании любви. Да и в нем самом тоже было что-то не от мира сего. Я это предугадывала, но тогда еще не знала наверняка.

Да, наша переписка долгое время носила дружеский характер. В марте – кажется, в конце месяца – Крис уехал в Гоа и писал оттуда, что хочет получше меня узнать. Мы к тому моменту обменивались сообщениями месяца три, но теперь мне стало гораздо легче с ним общаться – зная, что он далеко, я чувствовала себя свободнее, потому что не боялась нарваться на свидание. Крис все же пригласил меня в гости – они с приятелем, с Жо, сняли квартиру неподалеку от пляжа. «А твой приятель не будет против, если я к вам нагряну?» – осторожно поинтересовалась я. «Нет, он клевый чувак, прям cool, да к тому же и сам зазывает сюда людей». Этот ответ ранил меня не так глубоко, как можно было ожидать. И боль мне причинило не столько поведение Жо, сколько это обобщение Криса – «людей», каких-то людей, к которым он причислил и меня. Возможно, приглашение приехать в Гоа получила и его девушка из Бордо, и другие подружки в Фейсбуке – я не знала, но, судя по тому, что мне говорил о Крисе Жо, это вполне можно было допустить. В том случае, если бы я поверила. Но я не поверила Жо. Напротив, я не сомневалась, что такие спокойные и в то же время страстные отно-

---

¹⁷ Нездешней, космической (англ.).

шения у Криса могут быть только со мной. Мне казалось, он попался на крючок, угодил в капкан... нет, какие-то неудачные метафоры, они намекают на охотника и дичь...

я чувствовала, что он увлекся, *влюбился*, и то же самое происходило со мной. Я уже превратилась для него в одну-единственную, вышла из группы, отделилась от понятия «люди». Любовь – это выбор, а не отбор. Мы взаимно избрали друг друга и стали избранными.

Наши диалоги в Интернете сделались более интимными из-за разделившего нас расстояния. Крис рассказывал мне о своих планах на будущее и как будто приобщал меня к ним словами «вот посмотришь», «я тебе обязательно покажу». Я хвалила фотографии, которые он постил на своей странице. На фотографиях были индийские женщины – бедные, но улыбающиеся. Крис усердствовал еще больше, говорил, что в них столько достоинства, что он ими восхищается, что они «офигенные». Теперь наши послания заканчивались сердечками, звездочками, словами «думаю о тебе» и «чмоки-чмоки». В скобках замечу: я терпеть не могу это дурацкое выражение, «чмоки-чмоки», никогда его не употребляю и ненавижу, когда мне кто-то так пишет. В этом есть что-то детское, я «чмокала в щечки» своих сыновей, а от Криса мне нужны были поцелуи и объятия, намек на то, что он меня хочет. «Чмоки-чмоки» лишает мужчин мужественности, а женщин – женственности. Какой может быть секс после «чмоки-чмоки»? Но я не возражала в письмах к Крису, поскольку...

Что? Когда это я такое сказала? А, припоминаю. Не вижу тут никакого противоречия, и если что, я все-таки сумасшедшая. О'кей, я назвала себя ребенком. Но по сути, я искала мужчину, который увидит в ребенке женщину. Или ребенка в женщине?... Ой, вы меня совсем запутали. Короче, мы начали обмениваться нежными словечками в духе «чмоки-чмоки», и однажды я даже осмелилась на «скучаю» и «когда ты вернешься?». В ответ получила «тоже скучаю» и «очень скоро». Порой на новых снимках, появлявшихся на странице Криса, я замечала Жо где-нибудь на дальнем плане – он стоял, опираясь на доску для серфинга, или болтал с девицей, или голышом бежал к океану. Но его насмешливое лицо и загорелое красивое тело уже не вызывали во мне знакомой дрожи, я рассматривала снимки, стараясь хоть что-нибудь понять о том, как Жо и Крис там живут, и теперь причиной моих страданий был тот, кто держал в руках фотоаппарат, тот, кого не было в кадре. Крис стал для меня веселым и добрым альтер эго Жо, если хотите, той стороной личности Жо, которая любила и заслуживала любви, той, которой мне не хватало. Крис присылал в ЛС фотографии лотосов и ноготков, которые он собирал, думая обо мне. «Цветочек мой», – писал мне Крис. По-детски трогательные и милые сердечки в его посланиях, ласковые слова восполняли для меня то, чего у меня никогда не было или было, но самую чуточку и беспредельно давно – юность и нежность первой разделенной любви. Параллельно я продолжала чи-

тать лекции на факультете, растолковывала студентам Шекспира, Расина, Мадлен де Скюдери: «Любовь – это неизвестно что, которое возникает неизвестно откуда и неизвестно чем закончится». Ах, если б знать, чем все закончится! Ну вот теперь я знаю. А тогда, сидя перед экраном ноутбука, я переживала интригу – увлеченно и вовлеченно, без иронии и без малейшего понятия о том, что будет дальше. «Любила, боги, как же я любила и жаждала любимой быть»¹⁸. Я словно раздвоилась, да, были две разные «я»: полевой цветочек и цвет литературоведческой мысли.

О! Ваш предшественник тоже приводил мне этот аргумент. Даже не сомневаюсь, что у него все прекрасно складывалось со студентками, да и у меня самой полно коллег-мужчин, женившихся на своих аспирантках. Это стало нормой, вот только не для женщин-преподавателей. Профессиональная состоятельность, общественное признание, личностная харизма – все это здорово, но успех в университетском мире приносит женщинам уважение, а не любовь. Уважение, заслуженное лекциями или монографиями, – всего лишь жалкий суррогат страсти, которую они больше не могут ни в ком разжечь. Всеобщее восхищение нас убивает, разрубает пополам, как топор, отделяя душу от тела. Хочется заорать: «Вы разрываете меня на части!» – а голос куда-то подевался, нет голоса, пропал, ведь нас учили не кричать. Зато здесь мне покричать никто не запретит. А-а-а-а-а-а-а-а!

---

¹⁸ Цитата из трагедии Ж. Расина «Береника».

Да, полегчало. Впрочем, совсем чуть-чуть. Меня ведь никто не слышал.

Вы-то да, слышали. Но вам за это платят. Вам платят, чтобы все понимали: между вами и мной точно не любовь.

Откровенно говоря, не очень-то и хотелось.

До завтра.

Я? Да, я знала, как выглядит Крис. У него в профиле была фотография, он вообще не стеснялся выставлять себя на обозрение, даже гордился своей внешностью – и было чем. Хотя, конечно, глупо гордиться свойствами, которые не зависят от твоей воли. Я покажу вам его фотки, если хотите. В Фейсбуке вы их уже не найдете: наши с Крисом страницы давно не существуют, по понятной причине. Но я распечатала много его снимков и храню до сих пор. Еще я полюбовалась Крисом на видео, которое мне показывал Жо. Красивый парень, ничего не скажешь. Высокий, стройный, хорошо сложенный. Как Жо. Всегда ходил с трехдневной щетиной, придававшей ему немного бандитский вид – и очень сексуальный. Да, это банально, я знаю. Но мне нравятся внешние проявления мужского, брутального начала, я не тепличная барышня в кружевах, питаю симпатию к latin lovers¹⁹. Крис постоянно изображал из себя мачо, к месту и не к месту упоминал о своем росте – метр восемьдесят четыре. Однажды спросил, какой рост у меня. Я соврала, занизив планку, и тут

---

¹⁹ Латиноамериканский любовник (англ.).

же получила от него фотографию, на которой он стоит рядом с ростомером и рукой показывает, где окажется моя макушка – где-то на уровне его плеча. Эта дурацкая подростковая манера хвастаться своими физическими данными немного раздражала, но, возможно, в ней был смысл? Помните тот ужасный эпизод из «Любви властелина»? Вы читали эту книгу? Какой же вы необразованный, Марк! Как вообще можно работать психологом, не ознакомившись с достижениями величайших знатоков человеческих душ и сердец? Уму непостижимо. Ладно, короче, Альбер Коэн придумал персонажа по имени Солаль – образцового самца, который уподобляет соперничество мужчин из-за женщин драке павианов. Павианы сражаются за самку, и в их сражениях побеждает, разумеется, сильнейший, а сильнейший – это самый крупный и самый зубастый. Если павиану не хватает десяти сантиметров роста или переднего зуба – всё, прощай, самка, не сбыться прекрасной истории любви! Коэн держит нас, женщин, за идиотов. Но чем лучше мужчины, позвольте спросить? Их влечение еще больше зависит от нашей внешности, от красоты.

Грустно это, если так подумать.

В конце концов я поступила как все – повелась на красоту. Красота стала причиной желанья. Воздействие красоты абсолютно и непреложно на представителей обоих полов. Лично я никогда не понимала, почему проводят различие между женской и мужской красотой. Часто говорят: «Женщины

гораздо красивее мужчин!» – и оба пола с этим соглашаются, таково общепринятое мнение, докса. А вот я так не считаю. С эстетической точки зрения женская грудь не прекраснее мужского мускулистого торса. Я с одинаковым удовольствием люблю красивыми мужчинами в метро, длинноногими легкоатлетами на стадионе и топ-моделями на обложках журналов. То есть любовалась.

О нет, здесь тоже есть кем полюбоваться, даже искать не надо – красота сама приходит ко мне, и доказательство тому – ваше присутствие, Марк. Не надо протестовать, я не издеваюсь: вы красивый, очень красивый мужчина. Еще здесь во дворе часто играет в баскетбол молодежь – наркоманы и суицидники на реабилитации, вы их видели, наверное. Мне этого вполне достаточно, чтобы утолить боль. Красота причиняет страдания, если некому вам ее подарить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.